

P1
M-52

Ar

+ Op 91

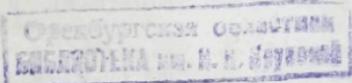
ЗАПИСКИ

ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО

1760—1824.

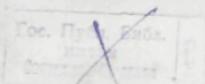
ИЗДАНИЕ РУССКАГО АРХИВА.

МОСКВА.

Въ Типографії Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миликовой.

1867.

Оп. № 9687.

ЗАПИСКИ Д. Б. МЕРТВАГО

Записки Д. Б. Мертваго обязательно сообщены въ Русскій Архивъ академикомъ В. П. Безобразовыемъ, которому принадлежитъ самая рукопись. Начало Записокъ, именно разсказъ о Пугачевщинѣ, было уже напечатанъ въ Русскомъ Вѣстнике 1857. № 1, и тамъ же сообщено слѣдующее биографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

Дмитрій Борисович Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ советникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность й справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіянтской Экспедиція, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Паю. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управление Крымскихъ солиныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генералъ-провіянтмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, где и скончался 23-го июня 1824 года.

„Пылай и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣняли ему недостатокъ ученія при воспитаніи. Къ удивленію всѣхъ звавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и добре сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при

5. МЕРТВАГО

многихъ случаихъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь иуваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

„Оставшись четырнадцати лѣтъ по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потому и дѣтымъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣлами всегда доказывалъ искреннюю дружбу и избѣжную любовь къ нимъ.

„Кроткое и человѣкоблюстное обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждали въ нихъ усердіе служить и угоджать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтелей.

„Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступиша въ бракъ съ Варварою Марковною Потоцкюю, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-правильный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ“.

I. Пугачевщина.

Извѣстно, что отдаленный край на-
шего отечества раздираемъ быль вол-
неніемъ народа, въ пользу бунтовщи-
ка, назвавшагося царскимъ именемъ.
Зло, тогда распространенное, потряса-
ло основаніе государства, и хотя иско-
ренено, но многимъ оставило въ памя-
ти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбир-

ской губернії, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотія и готовились потерять свое состояніе, но себя считали вѣнѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятыя правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженое имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большімъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шестѣвіе кропотливѣмъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столь былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ приятеля и сосѣда нашего, званаго на праздникъ, который уведомлялъ, что

самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведѣть.

Собравшись на скоро, побѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила настъ своротить въ сторону, мы вѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только человѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили настъ и спросили, кудаѣдемъ и для чего; грубыя ихъ рѣчи и наконецъ строгое требование, чтобы мы totчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большаго лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телги вмѣсто каретъ,

пустились мы въ лѣсъ, единственное
наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ
мельнице, находившейся въ самой дре-
мучей части лѣса, остановились мы
кормить лошадей. Въ это время батюш-
ка познакомился съ мельникомъ и узналъ
отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть
полянка, близъ которой протекаетъ
рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мель-
ницы, а отъ ближайшихъ селеній вер-
стахъ въ пятнадцати, что дорога туда
такъ дурна, что не легко дѣхать до
поляны, и что не многіе эту дорогу
знаютъ. Добрый мельникъ согласился
проводить насъ, обѣщая клятвенно не
разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы дѣхать
до того мѣста, гдѣ мельникъ, простишись
съ нами, подтвердилъ свое обѣ-
щаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, ба-
тушка пошелъ осмотрѣть окрестности
нашего убѣжища. Найдя въ иѣкото-
ромъ разстояніи другую полянку, при-
казалъ перевести туда лошадей; на
той же, гдѣ сами остались, сдѣлали
шалашъ. Всѣмъ розданы были ружья
и пистолеты, и положено было обороняться
въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не
слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтен-
ный родитель мой дѣлалъ намъ настав-
ленія, основанныя на чистой добродѣ-
тели; говорилъ намъ, что спокойствіе
человѣка составляетъ все его блажен-
ство, и что оно зависить отъ согласія
поступковъ его съ совѣстю, что нару-
шивъ это согласіе для какихъ бы то
ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то
драгоцѣнное спокойствіе, котораго ни-
что замѣнить не можетъ. Примѣрами
знакомыхъ намъ людей доказывалъ
онъ, какъ пріобрѣтающій однѣ време-
ненные выгоды не наслаждается ими,

быть ежеминутно угрызаемъ совѣстю,
еще не погасшую въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со
мною, говорилъ онъ, что если случит-
ся ему проститься со мной навѣки, то
помнилъ бы я слова его, и наставлялъ
бы братьевъ, которые были гораздо мо-
ложе меня, чтобы радѣль о своей душѣ
и сердцѣ, и строго замѣчаль свои
склонности и поступки; совѣтовать не
быть корыстолюбивымъ, говоря, что
ни одинъ изъ предковъ нашихъ не
былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ
меня быть достойнымъ имени его, уг-
рожая въ противномъ случаѣ Боже-
скимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣте-
лемъ движеній сердечныхъ чувствъ, и
только всесильная помощь Его въ съ-
стояніи сохранить человѣка отъ соб-
лазновъ, дѣйствующихъ на сердце.
Что желаю и стараюсь я быть достой-
нымъ моего родителя, это Богъ видѣть,
но достоинъ ли и буду ли впредь до-
стоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыва-
ванія въ лѣсу, стала оказываться у
насъ недостатокъ въ сѣбѣстныхъ при-
пасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того
времени, надежда, что вслѣдъ за бун-
товщикомъ идутъ войска, поражавшія
его всегда и вездѣ, а болѣе всего бол-
ѣзнь матушки, причиною которой бы-
ли душевныя и тѣлесныя беспокой-
ства, заставили батюшку послать од-
ного изъ людей нашихъ въ ближнее
селеніе для покупки припасовъ и для
развѣдыванія, чтѣ тамъ происходитъ.
Человѣкъ этотъ казался намъ вѣр-
нымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ
началѣ онъ не имѣлъ злого умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, пріискавъ
онъ купить, чтѣ ему было приказано, и
вмѣсть съ тѣмъ разыѣдалъ о Пу-
гачевѣ. Крестьянамъ это показалось
страннымъ; по причинѣ повсемѣстна-

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходитья почтительно, называли меня секретаремъ, рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любить долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близь-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вплоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣль столько присутствія духа, что спустилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодариль этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ наѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ ближняго селенія. День уже склонялся къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, застяяныя хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ъхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня даѣте, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатить ли онъ общаниную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и

я явлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можеть понараспути, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, раздать въ прѣемши бездѣтнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизѣяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; рассказалъ, какъ найти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идеть съ нами въ сторону, вѣльзъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ъхавши лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордину; его тогда не было дома, но жена его пригласила наась, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Чрезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не вѣрно принимать дворянъ.

Я поклонился, и выйдя за окопицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту дерев-

вию, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшино, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькой ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я ссыпалъ въ столъ хлѣбъ и ножъ, отрѣзаль всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ, хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшино сойдя съ палатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; по утру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умилъно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покатившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалостъ взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаются, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ». Послѣ этого, снявъ съ палатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задний дворъ въ єнницу; положивъ на землю подушку, вѣльла намъ лечь, и одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевяниами. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего воспѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевяни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ сѣмь плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совсѣмъ изѣбѣгая встрѣчу по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; проводъ насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во всѣхъ намъ не видаться.

Раставивъ сѣмь человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставивъ одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣль я не только никакой помощи, но даже и надежды; единій Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ кругому берегу рѣки, при видѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ вѣльль тоже дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшой мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому вѣльль держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдя наставленію Мордвина, шель я верстъ восемь берегомъ рѣки до мѣста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣль я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ

нась, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.» — «Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, изцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спасаться бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привель къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локтъ съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братѣвъ. За пригая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они нась въ городъ и представятъ къ самозванцу, то получать за каждого по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взяты и связаны, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окружены многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили прайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близъ церкви, пошли къ толпѣ народа собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила,

какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знать нась, что матушку и сестрѣ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехиедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяева нашихъ тѣлѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убываютъ.

Отѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ, сквозь щели телѣги, брошенныя близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. — «Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велико убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найти тѣла матушки и сестрѣ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я стала бранить его, укоряя, что онъ мучить человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убийство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, страшная гибвомъ Божіимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ повернуться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большему мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣла оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебряная, тѣмъ годится». Исполнивъ мою просьбу и

любуясь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердишься на меня». Я отвѣчалъ, что если все перемѣнится и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже наша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По пріѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждого изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близъ канцеляріи.

Насилу съ помоцію какого-то человѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ число множества дворянъ. Я бросился съ восхищениемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ рассказала, что человѣкъ, котораго батюшка послалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленныя ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и сбирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, щавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и

почтеніе; даже человѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиной того, что крестьяне учились съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами рассказывала миѣ сестра, что матушка въ теченіи двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говорить, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаянія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. — «Его вчера повѣсили въ деревнѣ нашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очутившись отъ обморока, матушка, стоя на колѣяхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную разскѣзать подробности нашего несчастія. Женщина эта разскѣзала намъ, что батюшка рано поутру приѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего неѣлъ, разбросалъ свое платье по лѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, чтобъ тотчасъ было исполнено; потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парою телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увида толпу злодѣевъ, щавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди

тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькохъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и сбравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталь бить батюшку пластью; послѣ чего казаки повѣсили его, и стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавши изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, кото-раго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавши его, единогласно въ томъ удосто-вѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ тоже; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щѣдръ. Онъ погребенъ близъ церкви. Часто послѣ пла-кали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Карапульные наши смот-рѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричатъ: «Воевода⁽¹⁾

идеть, сѣть и рубить.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжавши окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стуле Сердешева, назначенаго въ воеводы самозванцемъ. Тутъ начался споръ старого воеводы съ новымъ⁽²⁾; Сердешевъ говорилъ, что не отдать онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасти отъ смерти многихъ дво-рянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ по-велительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ

волненіе въ народѣ, ве имѣя никакой возможно-стіи сопротивляться, рѣшился спасти бѣг-ствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

⁽²⁾ Инвалидной команды прапорщикъ Серде-шевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ вос-водою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, со-стоявшій только въ томъ, чтобы вѣшать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ уѣздѣ, и при-казалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшише привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждого мужчину десять, а за женщи-ну пять рублей, и такимъ образомъ спасъ мно-гихъ отъ смерти.

(1) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь въ исправленію воеводской должностіи подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное

предмѣстіи тотчасъ явились къ нему, чѣдь и было исполнено немедленно. Вышедь на крыльцо, именемъ Государыни, объявилъ онъ всѣмъ, что преступления ихъ прощаются, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которыми обѣщалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и называть ихъ *копѣйщиками*. Требование его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ ними изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пытается въ дворянскомъ селеніи, въ восьмиадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; некоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другие посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора послуяю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подьячій, котораго мать была попадью въ нашѣмъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромой и престарѣлый регистраторъ, отецъ подьячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы я просилъ дозвolenія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ

томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянуль на меня, я низко поклонился, объявилъ ему что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшися отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подьячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказала: «пополь вонъ, теперь не до тебя». Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подьячemu, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-нарабнаго войска, что воевода приказалъ насть выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы взяли матушку подъ руки, увѣли изъ тюрьмы; наступившая темнота благопріятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подьячаго, вся семья его встрѣтила насть со слезами, и послѣ ужина уложила насть въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсѣт旳мъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насть; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служить самозванцу; командиръ сотни, поставивъ часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки нашли его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воеводу, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою

самозванца; ротмистръ, давъ ему иѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа высѣкъ плетьми. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженныя парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся въ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательские дому грабить. Хозяйка наша, облизаваясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всѣ вещи, которыхъ находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, высѣченными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, пригрѣхъ со всему оставшуюся семью мою подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но склонилъ ся надо мною,—приказалъ сыскать казокъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платья и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, чтѣ было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что высѣкъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщаю прибавить имъ по иѣсколько ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки,

поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоми воеводами отправился изъ города, оставилъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принять подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительно, и я вскорѣ былъ причиной многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступиль въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и вскорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, пропрѣжившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагороднѣ. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ высѣченъ плетьми.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ иѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятдесятъ рублей. Я полагалъ, что если можно посыпать команды, то воевода не откажеть послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимо къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы склонилъ ся надъ нами и приказалъ бы вы-

пустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посыпки въ деревню», сказаъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.» — «Ахъ ты сарафанникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопталъ и закричалъ: «Розги! я выѣху тебѣ!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатаго хала-та уѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключениі.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ станика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ наасъ выгнать изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои новеллія палочными ударами по спинѣ доброго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать наасъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись болынимъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, быть приходорасходчикомъ, задержалъ казенные деньги, показывая можно, что онъ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣдалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, чтѣ бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили:

упреки нашей хозяйки, гиѣвъ матушки и горѣкія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ одиѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на плошади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ было грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо поговою. Я хотѣлъ было войдти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили наасъ.

Возвратившись домой, я рассказалъ о своей неудачѣ, и быть наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея выѣченъ бытъ тогъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ наасъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посыпалъ въ Оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ наасъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была осиротѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которая онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробнѣ о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содер-

жаню. Матушка удерживала его, боясь, чтобы я его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человѣкъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убийствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради, не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взялъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульного сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человѣка, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставилъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣмъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человѣка, отданного подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ»—«Отъ васъ зависить оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Бѣлогонытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣ въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею

свою семьею, пользуясь нашими пропасами, стала веселѣ. Монахи, монахини, городскія богомольцы старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насть, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часть отъ часу дѣляясь смѣлѣ, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на росписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забыть наговорить дерзостей Бѣлогонытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ бѣйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня наѣвки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убийствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партии, изъ которыхъ одной я былъ предводи-

теземъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партии, и я, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубахъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партии, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина ровестника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнѣе на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленький ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животѣ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судь, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привель въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастію нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, приѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшенаго, который долго лежалъ безъ чувства. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я созналъ во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убийцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что согрѣшилъ я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только по-

жутивъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирися съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, какъ всѣ мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я даль сѣбѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ настъ преслѣдоввать, и хотя выпустилъ подъячаго изъ тюрмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разглашеніе о поступкахъ его сердили Бѣлокопитова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ поста многіе дома, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы, съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и небольшой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долгѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы наанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посыпала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему бѣдила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было тудаѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней отвращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ъхать въ Пензу, за двѣsti слишкомъ верстъ отъ Алатаура. Трудное было наше положеніе; мы знали какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурная лошади и дурные повозки были причиной, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на почлегъ. Мыостояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насили нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ неї сдѣлялся жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтѣ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за наасъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырѣ у игумены, а мы съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Всѣдѣ за полкомъ приѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подьячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣль черный каftанъ, и пошелъ къ командующему полкомъ бригадиру Пилю⁽²⁾, у котораго тогда было много

⁽²⁾ Не дѣлъ ли это М. А. Дмитріева, мать котораго была урожденная Пиль? Н. В.

офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадиру и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій все возможныя несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; рассказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что назвалъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣдѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарили его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаше, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы уѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, налившиесь не вовремя дощина, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только, по обыкновенію, не побилъ его, а даже и не побраницъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывали скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменью и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадиру благодарить отъ ея имени за оказанныя намъ милости. Пиль принялъ меня очень ласково, распрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подѣлѣ себѣ,

занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся) и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашение быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскрѣпъ потому пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управления краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего пріѣзда, прислая мнѣ сказать, чтоѣ я явился къ нему на другой день въ шесть часовъ утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольная старушка учили меня, каждая по своему, что дѣлать, и что говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, дрогорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыхъ я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Расскажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключения твои исторически.» Я рассказалъ ему все подробно, кроме того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго гово- рить о томъ; впрочемъ я и самъ бы то- го не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разсказа графъ раз- чувствовался, плакалъ, нѣжно, какъ отецъ, цѣловалъ меня, и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастіе ваше и исправить домашнее раз- стройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чёмъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказателствомъ участія, приятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй; что хотите вы съ нимъ дѣлать?» ⁽⁴⁾ Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — и такъ спроси у матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я рассказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Всѣдѣствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, настъ облагодѣ-

⁽⁴⁾ Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допроѣ показалъ, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, где мы скрывались; матушку и сестру ударила дубиною по головѣ, чтобы доказать мятеjhникамъ, что онъ присталъ къ ихъ толѣ; а участвовалъ въ убийствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ, вовлеченный изъ одного злодѣйства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

тельствовавшій, и воевода Бѣлокопытъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за беспорядки его управлениія. Графъ очень милостиво меня принялъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другой его сторону сидѣть бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилью, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли обѣ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаше ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вмѣсть съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчиками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ прїхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтеть быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и рассказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршою. Но она побрианила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово, и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршою.

Въ первое воскресеніе послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ

матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игумены и молилась съ горкими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посвѣщеніями, и подвѣль къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за вѣроказанныя намъ милости,—но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатить. Сцена была чувствительная; всѣ присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

Пробыть нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы, нѣсколько погодя, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, прїѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изѣянія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодарить за то Бога, и у Него просить ей возданія; что она не можетъ ни къ кому вѣдти, будучиувѣрена, что кромѣ тягости она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только удовлетворенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтныхъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей долж-

на видѣть волю Божію, но матушка отвѣчала все одно и тоже: «Богъ имъ отецъ, и Онъ устроить ихъ участъ.»

Однако вскорѣ она согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и обѣщала къ ней прїѣхать, только не къ обѣду, потому что, слѣдя монастырскимъ правиламъ,ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя все это знали.

Послѣ обѣда мы все пошли къ бригадиру. Ласковый и почти родственныій пріемъ, казалось, былъ пріятель матушки; но начавшейся благовѣсть къ вечерни подняла нась вскорѣ, и не слушая никакихъ просьбъ, она со всѣми нами отправилась въ монастырь. Игуменія, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхой любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у нась и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку прийти въ себя и имѣть о нась должное попеченіе, и можетъ-быть спасла нась отъ погибели, которая легко могла случиться отъ непрізрѣнія въ ребячествѣ.

II. Служба въ Оренбургскомъ краю.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцівъ послѣ нашего несчастія, матушка стала приходить въ себя и побѣхала къ своему отцу. У него прожили мы почти всю зиму. Возвратясь въ Алатырь, она купила домъ, и перестроивъ его, начали мы жить, какъ слѣдуетъ. Родственница матушки, прїѣхавшая изъ Москвы, съ которой она была дружна, боясь возвратиться въ свою деревню, находящуюся недалеко отъ города, также купила домъ. Многіе дворянине, поселившись также въ городѣ,

составили очень пріятное общество и до того дружное, что казалось, что все были одной семьи (⁵). Несчастіе всегда уничтожаетъ гордость и склоняетъ сердца къ снисхожденію и единомышленію.

Между тѣмъ записали меня унтер-офицеромъ въ гвардію, и прислали паспортъ на два года: въ началѣ 1777 я долженъ быть явиться въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. матушка представилось, что я могу уже быть способенъ къ дѣлу, и меня послали въ Оренбургскую деревню привести въ порядокъ дѣла и разстроение тамъ хозяйство.

Прїѣхавъ въ 1777 году въ С.-Петербургъ на службу, я не явился въ полкъ. Покровители мои сочли за лучшее показывать меня малолѣтнимъ. Меня производили въ чины и выпрашивали мнѣ паспорты до совершеннааго возраста. Наконецъ, когда мнѣ минуло 19 лѣтъ, я вступиль въ службу сержантомъ; и чрезъ два мѣсяца, въ которые одинъ только разъ былъ въ караулѣ, мнѣ исходатайствовали отпускъ на годъ. По окончаніи отпуска покровители мои посовѣтовали мнѣ оставить военную службу и перейти въ статскую. На 22 году я былъ опредѣленъ прокуроромъ, съ чиномъ этому званію присвоеннымъ.

Все это время и пять лѣтъ, въ которые я былъ прокуроромъ, провелъ я самымъ празднымъ образомъ:

(⁵) Вотъ одна изъ причинъ заселенія дворянами нашихъ мелкихъ городовъ. Введенное всѣдѣ за укроющеніемъ Пугачевщины Учрежденіе о губерніяхъ, въ соединеніи съ дарованіемъ 13 лѣтъ тому назадъ свободою дворянамъ служить или оставаться дома, также много способствовало усиленію городской дворянской жизни и приготовило тотъ бытъ, который господствовалъ до нынѣшихъ дней. И. Б.